

В тот момент Шу Мужуй, уткнувшись в грудь Сюй Жаня, разразилась громким рыданием. Все обиды и тревоги, вся боль и унижения, которые она таила в себе, выплеснулись наружу без остатка. Она плакала до тех пор, пока голос не осип, а слезы не высохли, и только тогда успокоилась.

— Давай, ешь побольше, в это время уже ничего хорошего нет.

Шу Мужуй говорила хриплым голосом и без конца накладывала цзяоцзы в тарелку Сюй Жаня.

— Я только что была в супермаркете, там смогла купить только футболку и бельё, которые тебе подойдут. Остальную одежду куплю завтра, когда схожу в город.

Сюй Жань ел цзяоцзы, не чувствуя вкуса, и уже не знал, что сказать.

— Извини, что так тебя обременяю.

— Хватит, не будь таким со мной церемонным. Главное, что ты жив, а всё остальное — мелочи.

Чем больше Шу Мужуй говорила это, тем сильнее Сюй Жань чувствовал себя неловко. Но, кроме неё, он действительно не знал, кому ещё можно доверять.

Сюй Жань тяжело вздохнул и, глядя на купленные ей вещи, начал переживать.

— Эээ... Мужуй, это ведь не мой размер, правда?

— Конечно, это не твой размер. Это размер твоего нынешнего тела. Ты разве не заметил разницу с прежним?

Если бы Шу Мужуй не сказала, Сюй Жань бы и не обратил на это внимания. Ему и так было тяжело свыкнуться с чужим лицом, не то что с телом.

— Это тело выше твоего прежнего, должно быть, скоро уже 180? И бедра у тебя, кажется, стали уже. Когда я тебя трогала, показалось, что фигура неплохая. Лицо тоже ничего, только эти растрепанные волосы выглядят ужасно. Когда-нибудь перекрасишь их?

— Лучше просто обрить налысо, чтобы не задеть рану.

— Ну, это тоже вариант.

Сюй Жань отложил вещи в сторону и посмотрел на плавающие в миске цзяоцзы. Аппетита совсем не было.

— Эй, я ещё не спросила. Ты сменил тело, значит, и имя тоже изменилось? Как тебя теперь зовут?

— Цзян Шуньянь.

Сюй Жань достал удостоверение личности и положил его перед Шу Мужуй. Та взяла его и, словно школьница, прочитала по слогам:

— Цзян, Шунь, Ань. Ну, это имя...

— Ты хочешь сказать, что оно хуже моего прежнего?

— Нет-нет-нет, звучит нормально, просто немного простовато.

Шу Мужуй ещё раз взглянула на удостоверение и вернула его, но продолжала бормотать:

— Цзян Шуньянь, Шуньянь... Счастье и мир. Хорошее имя, очень хорошее.

Счастье и мир...

Возможно, именно это сейчас больше всего нужно Сюй Жаню.

— Да, хорошее.

Они переглянулись и молча улыбнулись.

— Эй, а у тебя ещё что-то есть? Что-нибудь, что поможет узнать больше об этом «Цзян Шуньяне»?

— Нет, только это удостоверение.

Когда он сбежал из больницы, Сюй Жань увидел только свою одежду и пустой кошелек. Всё остальное пропало, даже телефона не было.

— Ладно, если ничего нет, то ничего не поделаешь. А что ты планируешь делать дальше?

Сюй Жань замолчал.

Планы? Какие теперь могут быть планы?

В голове было пусто, он всё ещё не мог прийти в себя от абсурдности того, что его уже нет в живых. Никаких мыслей не было.

— Ничего, на твоём удостоверении есть адрес. Завтра я попрошу знакомых помочь его проверить. В худшем случае у тебя будет новый дом, а вдруг ты ещё и богатый наследник? Тогда мне, может, придется за тебя держаться?

Шу Мужуй говорила полушутя, но Сюй Жань не мог заставить себя улыбнуться. Она сама поняла, что шутка получилась несмешной.

Богатый наследник? Как такое возможно? Разве бывает, чтобы у богатого наследника не было ни гроша за душой, он был одет в потрёпанную одежду и с ярко-жёлтыми волосами?

Сюй Жань не хотел об этом думать и просто сидел за столом, остолбенев.

Через какое-то время Шу Мужуй поела и, забрав посуду, пошла на кухню.

— Мужуй, давай я помою.

Сюй Жань встал, чтобы помочь, но Шу Мужуй мягко, но настойчиво оттолкнула его:

— Иди-иди, сиди там, я сама справлюсь.

— Позволь мне хоть что-то сделать.

— Правда, не нужно.

Шу Мужуй говорила твёрдо. Сюй Жань знал, что она делает это из добрых побуждений, но его гордость не позволяла ему просто так сидеть и смотреть.

Шу Мужуй поняла его чувства и с облегчением вздохнула:

— Сюй Жань, если ты действительно хочешь мне помочь, пообещай мне одно дело.

— Хорошо, говори.

— Живи хорошо. Пожалуйста, чтобы такого больше никогда не повторилось.

Сюй Жань ничего не сказал, только сильно кивнул.

— Ладно, давай ты пока пойдёшь в душ? Новые средства гигиены я уже купила.

Шу Мужуй, продолжая мыть посуду, беспокойно спросила:

— Эй, ты сам сможешь помыться? Рана на голове серьёзная? Вода же пока не должна попадать на неё, правда?

— На голове наложили швы. На теле... вроде бы ничего серьёзного, не страшно, если не мыть голову.

— Ага.

Шу Мужуй посмотрела на него, но всё равно не могла успокоиться:

— Твоя рана... Может, завтра я всё же отвезу тебя в больницу.

— Поговорим об этом попозже. Ты завтра не на работе?

Завтра был не выходной, и Сюй Жань не хотел, чтобы Шу Мужуй из-за него потеряла работу.

— Ничего, я уже почти неделю не была на работе. Не было настроения, взяла отпуск за свой счёт. Ещё есть несколько дней, достаточно, чтобы составить тебе компанию.

Шу Мужуй улыбнулась и скорчила рожицу, а Сюй Жань больше не стал отказываться.

— Тогда договорились: завтра сначала в больницу, потом пойдём по магазинам, а узнать информацию я поручу своим друзьям. А ты просто считай, что в отпуске, ни о чём не думай, хорошо ешь и веселись, слышал?

Сюй Жань улыбнулся и сразу согласился, хотя в сердце всё ещё оставалось одно беспокойство.

— Мужуй, завтра... сначала отвези меня в одно место, хорошо?

— Хорошо, куда ты хочешь пойти?

Окраина города, кладбище Цинъюань.

Когда Сюй Жань предложил это, Шу Мужуй удивилась.

Она не понимала, зачем ему нужно увидеть место, где он похоронен, и по наитию считала, что это не самое мудрое решение. Она хотела отговорить его, но Сюй Жань был непреклонен, и она не могла ему отказать. К тому же, если она будет рядом, с Сюй Жанем ничего не случится.

Хотя уже наступила весна, в городе было невыносимо холодно, а на окраине — тем более.

Утром кладбище было пустынным, кроме сторожа, там никого не было. С неба сеялся мелкий дождь, туман поднимался снизу вверх, становясь всё гуще. У подножия горы невозможно было разглядеть вершину, лишь смутные очертания, от которых создавалось впечатление, что повсюду бродят призраки.

Кладбище Цинъюань располагалось на склоне горы. На солнечной стороне рядами стояли серо-белые надгробия, в центре которых была вставлена чёрная гладкая мраморная плита с чёрно-белой фотографией усопшего, именем, датой рождения и смерти, а также датой захоронения или перезахоронения. Всё было однообразно.

Шу Мужуй в тёмных очках крепко держалась за руку Сюй Жаня, и на душе у неё было беспокойно.

Не из-за страха перед этим унылым и мёртвым местом, а из-за опасения, что Сюй Жань не выдержит и сделает что-то импульсивное. Хотя вчера он говорил, что больше не помышляет о самоубийстве, но стоило ей вспомнить его бледное лицо, когда его вывозили из операционной, как сердце её сжималось.

— Что с тобой? Ты выглядишь встревоженной.

Сюй Жань заметил её мрачный вид и участливо спросил.

— Ничего, у меня всё в порядке. Возможно, вчера плохо спала.

Шу Мужуй взглянула на Сюй Жаня, слегка покачала головой и намеренно отвела взгляд, но всё же украдкой посматривала на него.

На Сюй Жане всё ещё была одежда, которая ему не принадлежала, повязка на голове тоже немного намочена — её нужно было сменить. Но выражение его лица было вполне спокойным, без эмоций. Однако если лицо ничего не выражало, то что творилось у него в душе?

Шу Мужуй не могла догадаться и боялась даже думать об этом. Слишком много возможностей, всё слишком сложно.

Сказать, что человек идёт толпн самого себя, звучало странно. Если бы Сюй Жань внезапно ударился головой о надгробие, Шу Мужуй бы не удивилась. О других вариантах и говорить нечего.

Обновление. Если найдете ошибки, пишите в комментариях.

<http://bllate.org/book/16592/1516222>